

Ольшанка

Жил-был мужичок. Детей он не имел. Рубил он на улице дрова. Дрова он рубил ольховые; отсек он чурку, занес он да и положил на печку не зная-то для чего. К вечеру-то что образовалось? Из чурки-то образовался мальчик. А уж когда чурка была ольхова, тогда и его называли Ольшанка. Купили ему маленьку лодочку да купили оружейко да отправили на речку уток стрелять.

Ездит Ольшанка по речке да и забавляется. Захотелось Егабовой Ольшанкова мяска. Напекла она пирогов, удачливых, воложных, намазала маслом. А у Егабовы было три дочери. Наложила полную коробку пирогов и послала дочь пирогами Ольшанка приманить. Научила она песни петь: «Придешь, — говорит, — к речке-то, проси:

Ольшанка, Ольшанка,
Перевези за речку
К тетушке,
К Соломонидушке!

А как приедет Ольшанка в лодочке, так ты захвати лодочку да возьми его в охапку и неси домой, а я поджарю да и съем его!»

Вот приходит дочь к речке и запела:

Ольшанка, Ольшанка,
Перевези за речку
К тетушке,
К Соломонидушке!

Ольшанка приехал к берегу, протянул весёлко: «Клади пироги на весёлушко, а сама садись в лодочку!»

Вот дочь положила пироги на весёлушко, а сама хочет сесть в лодку. А Ольшанка взял пироги да и отпихнулся. А дочь Ега- бовина упала в воду да и выкупалась вся. Пришла домой, матери жалится, плачет: «Не могла Ольшанка взять!» — «Ладно, — Егабова говорит, — завтра друга дочь пойдет, та достанет все равно. Не много он у нас поживет!»

Назавтра Егабова еще пирогов больше напекла да еще масля- нее навязала и вторую дочь посылает: «Ты, — говорит, — не вороней, не зевай, достань! Ишь он, мошенник, — говорит, — пироги взял да дочь выкупал!»

Приходит втора дочь к речке, просит у Ольшанка перевозу:

Ольшанка, Ольшанка,
Перевези за речку
К тетушке,
К Соломонидушке!

Ольшанка подъехал к берегу, протянул весёлко: «Клади пироги на весёлушко, а сама садись в лодочку!»

А Ольшанка пироги удернул да и лодочку отпихнул. И вторая дочь Егабовина упала в воду. Пошла домой да и плачет. А Ольшанка пироги унес отцу да матери.

Егабова на третий день пирогов напекла еще больше, послала третью дочь, все-таки мяска хочет Ольшанкова. Приходит и третья дочь на берег, [просит], чтобы он перевез ее за реку:

Ольшанка, Ольшанка,
Перевези за речку
К тетушке,
К Соломонидушке!

Ольшанка подъехал к берегу: «Пироги клади на весёлушко, сама садись в лодочку», — говорит.

Протянул весёлушко, положил пироги на весёлушко, удернул весёлко, и третья дочь упала в воду. Пришла мокрехонька и стала жалиться. А Ольшанка принес пироги отцу да матери. Отец да мать были радешеньки, что сын их кормит.

На четвертый день Егабова сама напекла пирогов и пошла сама: «Меня, — говорит, — не обдует, сукин сын! Я не маленька», — говорит.

Напекла пирогов и принесла на берег:

Ольшанка, Ольшанка,
Перевези за речку
К тетушке,

К Соломонидушке!

Ольшанка приехал к берегу, протянул к ней весёлушко: «Клади пироги на весёлушко, а сама садись в лодочку».

Егабова пироги-то устала, а другой рукой схватила за весёлушко и притянула лодочку к берегу. И взяла из лодочки Ольшанка: «Ладно, — говорит, — мерзавец, попался ты мне, сжарю да съем!..»

Ольшанка перепугался, ни жив ни мертв, вот беда-то! Принесла его домой да и посадила в подполье. А назавтра поехала опять на промысел и наказывает дочери: «Истопи жарчей печь, да Ольшанка посади в печь и спеки, да положи на доску, да разрежь на кусочки, да снеси его на жернов, пущай остынет, а я приеду, так поем».

Ладно, ушла Егабова, уехала на ступе. А дочь натопила печь жарко. А когда печка истопляется, она и просит Ольшанка из- под пола: «Ольшанка, Ольшанка, подай кочергу!» Ольшанка подал. Потом: «Ольшанка, Ольшанка, подай помело!» Ольшанка и помело подал. «Ольшанка, полёзай сам!» [Ольшанка полез сам.] «Ольшанка, Ольшанка ложись, на лопату!» Ольшанка повалился на лопату вот так¹. «Что это? Завернись калачиком, растянись пирожком!»

А Ольшанка, не будь глуп, поднял руки и ноги кверху: «А ну-тко сама да поучи-тко меня!»

Дочь повалилась на лопату, свернулась калачом, растянулась пирогом. А Ольшанка шур ее в печь! Закрыв заслон. Дочь изжарил, положил на доску, разрезал на куски и вынес на жернов.

Приезжает Егабова, побежала за мясом, уселась обедать, сидит, ест да поет:

Скусно, скусно Ольшанково мясо,
Сладки, сладки Ольшанковы костки!

А он из-под пола:

Скусно, скусно дочернино мяско,
Сладки, сладки дочернины костки!

«Вот он, проклятый, сжарил дочь! Ладно, завтра другая дочь изжарит, доберусь я до тебя!»

Приходит утро. Егабовой надо опять ехать на добычу. Второй дочери наказывает: «Смотри, жарчей печь топи да Ольшанка испеки!» — «Ладно, мамушка, ладно, мамушка!»

Егабова уезжала, дочь затопила печь жарко-прежарко. А когда печь истопилась, она и говорит Ольшанку: «Ольшанка, Ольшанка, подай кочергу!» Ольшанка кочергу подал. «Ольшанка, Ольшанка, подай помело!» Ольшанка подал помело. «Ольшанка, Ольшанка, подай лопату!» Ольшанка подал лопату. «Ольшанка, Ольшанка, полезай сам!» Ольшанка полез сам. «Ольшанка, Ольшанка, ложись на лопату!» Ольшанка повалился на лопату — руки кверху, ноги кверху! «Да что это, — говорит, — завернись калачком да растянись пирожком!» — «А ну-тко сама поучи-тко меня!»

Дочь повалилась на лопату, завернулась калачком, растянулась пирожком. А Ольшанка шур лопату в печку, и вторую дочь испек! Вынул из печи, положил на доску, разрезал на куски и поставил на жернов.

Приехала Егабова, принесла мясо, села обедать и запела:

Скусно, кусно Ольшанково мясо,
Сладки, сладки Ольшанковы костки!

А Ольшанка ей опять запел:

Скусно, кусно дочернино мяско,
Сладки, сладки дочернины костки!

«Ишь, проклятый, втору дочь спек! Ладно, завтра старшая дочь испекет!»

Назавтра поехала Егабова и старшей дочери наказывает: Жарчей печь натопи, а как испеешь, положи на доску, разрежь на куски, положи на жернов. А я приеду, так поем!»

Егабова уехала, а дочь затопила печь жарко-прежарко. А как истопила печь, она и просит: «Ольшанка, Ольшанка, подай кочергу!» Ольшанка подал. «Ольшанка, Ольшанка, подай помело!» Ольшанка подал. «Ольшанка, Ольшанка, подай лопату!» Ольшанка подал. «Ольшанка, Ольшанка, полезай сам!» Ольшанка сам вылез. «Ольшанка, Ольшанка, ложись на лопату!» Ольшанка на лопату повалился: руки кверху и ноги кверху поднял. «Что этак-то, — говорит, — завернись калачком да растянись пирожком!» — «А ну ты сама да поучи-тко меня!»

Дочь повалилась на лопату, завернулась калачом и растянулась пирогом. А Ольшанка шур ее в печь и испек. Вынул и положил на доску, вырезал на куски и положил на жернов, а сам спрятался опять в подполье.

Вот приезжает Егабова, принесла мясо и села обедать. И опять запела:

Скусно, скусно Ольшанково мяско,
Сладки, сладки Ольшанковы костки!

А он и опять ей:

Скусно, скусно дочернино мяско,
Сладки, сладки дочернины костки!

«Ах ты, мерзавец, ты у меня и третью дочь спек! Я тебя, татарин, испеку!»

Вот она назавтра вытопила печь, просит: «Ольшанка, Ольшанка, подай кочергу!» Ольшанка подал кочергу. «Ольшанка, Ольшанка, подай помело!» Ольшанка подал помело. «Ольшанка, Ольшанка, подай лопату!» Ольшанка подал лопату. «Ольшанка, Ольшанка, полезай сам!» Ольшанка вылез и сам. «Ольшанка, Ольшанка, ложись на лопату!» Ольшанка повалился на лопату: руки кверху и ноги кверху! Егабова и наругалась: «Что ты, завернись калачком, растянись пирогом!» — «Ну-тко, бабушка, сама, — говорит, — да поучи-тко меня!»

Егабова сама повалилась на лопату, завернулась калачом и растянулась пирогом. А Ольшанка ее шур в печь да заслон крепко закрыл! Она там и замолилась: «Ольшанушка, голубушка, выпусти!» — «Сказывай, старая Егабова, где у тебя деньги хранятся, тогда выпущу». — «В подпечке сто рублей, да за печью сто рублей, да в клети сто рублей. Ольшанушка, голубушка, выпусти, я тебя не съем!»

Ольшанка еще крепче заслон прижал. Так Егабова и околела, испеклась, изжарилась. А когда изжарилась, Ольшанка вытащил, положил на доску, вырезал на куски и вынес на улицу: «Ешьте, вороны да воронята, Егабовино мясо!»

Налетело воронят, нелетело ворон, каркают, куркают, мясо Егабовино едят.

А Ольшанка слазил в подпечек, все сто рублей нашел, за печку слазил, еще сто рублей нашел, в клеть пошел, еще сто рублей нашел.

Тогда побежал с деньгами к отцу. Пришел к отцу, отец и мать и радёшеньки. Денег принес триста рублей. Новый дом купили, корову, мужику коня купили, полей накопали, хлеба насеяли, хлеба пришло много, хлеб хороший, сена наставили много, стали жить да поживать да добра наживать, корову кормить, да коня кормить.

Да, наверно, и теперь живет с отцом да с матерью, да, наверно, и нас переживет.

Сказки конец.

(Зап. от К. Л. Фофанова, 65 л., д. Карпова Гора на Пинеге, в 1927 г.)

1 Сказочник повалился на пол, руками вверх. *(Примеч. собирателя.)*

Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.